

Урожайная статистика в России первой половины XIX века: проблема первичных данных

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Центра экономической и социальной истории, РАНХиГС. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Аннотация. В статье сообщается о находке в региональных архивах первичных документов и уездных сведений, составлявших для губернаторской урожайной статистики первой половины XIX века, существование которых ранее подвергалось сомнению или отрицалось в историографии. Установлено, что сбор первичной информации об урожае в имениях и селениях происходил ежегодно осенью. Информацию давали старосты крестьянских общин и управляющие помещичьих имений. Сбором информации с конца XVIII века занимались чиновники нижнего земского суда, которые либо записывали ее со слов информаторов, либо принимали от них уже подготовленные записки. Итоговая ведомость об урожае в уезде составлялась секретарем нижнего земского суда и пересылалась в канцелярию губернатора. Губернаторская канцелярия составляла аналогичную ведомость по губернии, в которой дублировались и суммировались уездные данные. Губернские ведомости о посевах и урожае отсылались в правительство (в Министерство внутренних дел и/или Министерство полиции) срочными донесениями в ноябре того же года. Сбор сведений об урожаях не был связан с составлением годовых отчетов губернатора, в отчетах дублировались ранее посланные сведения. Описанные в статье документальные находки не решают вопроса о достоверности и репрезентативности губернаторской урожайной статистики, однако корректируют сложившиеся в историографии представления о функционировании имперской администрации в сфере контроля над состоянием урожаев и продовольственной обеспеченностью регионов России.

Ключевые слова: аграрная история России, урожайная статистика, губернаторские отчеты, нижний земский суд, В. К. Яцунский, Б. Г. Литвак

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-35-54

Для изучения аграрной и экономической истории России важнейшее значение имеют сведения об урожаях и урожайности. До 1883 года основным источником этих сведений служили донесения и отчеты начальников губерний (в XVIII веке — генерал-губернаторов, в XIX веке — губернаторов гражданских или военных), в которых содержались цифры посевов и сборов хлебов по целым губерниям, иногда с разбивкой по уездам. Помимо этой статистики в распоряжении историков есть лишь единичные данные, зафиксированные в хозяйственной документации отдельных помещичьих имений или монастырей, фрагментарно сохранившиеся в архивах и позволяю-

шие проводить исследования на уровне локальной истории по некоторым неравным хронологическим отрезкам. С 1883 года в России появилась статистика урожаев и посевных площадей Центрального статистического комитета; тогда же свои сведения об урожайности стал собирать и публиковать Департамент земледелия Министерства государственных имуществ, позднее появились местные статистики в некоторых земствах и своеобразная статистика «Торгово-промышленной газеты». Губернаторская урожайная статистика отошла на второй план и во многих губерниях с конца XIX века постепенно ликвидировалась.

Историки используют сведения губернаторской статистики в силу их безальтернативности. На их основе построена начальная часть (1801–1882 годы) знаменитого «ряда Михайловского» по урожайности хлебов в «самах» (Михайловский, 1921), к которому активно обращаются современные исследователи (Загайтов, Воробьева, 1998; Растянников, Дерюгина, 2009; Манелля, 2013; Markevich, Zhuravskaya, 2018 и др.). На их основе прослеживались тенденции сдвигов в зерновом производстве России в дореформенный период (Лященко, 1952: 515–517; Ковальченко, 1959; Яцунский, 1961 и др.). При этом более века в науке не утихают споры о степени достоверности этой статистики (обзор дискуссии XIX — начала XX века см.: Нифонтов, 1974: 16–34; современные аргументы см.: Нефедов, 2012; Рянский, 2015).

Одним из аспектов дискуссии выступает вопрос о существовании первичных данных для губернаторской статистики. До сих пор они не были известны историкам и, пользуясь этим аргументом, некоторые авторы даже пытались поставить точку в дискуссии. Так, в современных учебниках по источниковедению М. Ф. Румянцева утверждает: «Историки часто используют статистические сведения об урожаях, почерпнутые из приложений к губернаторским отчетам, правда, отмечая при этом неточность данных. Однако в 1964 г. В. К. Яцунский показал, что вся статистика урожаев возникает сразу же на уровне губернаторского отчета. По крайней мере, не обнаружены не то что первичные материалы, но и источники, содержащие поузездную информацию, а это означает, что статистика урожаев — плод творчества губернских чиновников» (Источниковедение, 1998: 333; Источниковедение, 2015: 225).

Данная статья посвящена описанию поиска первичных урожайных сведений губернаторской статистики первой половины XIX века и анализу обнаруженных материалов.

«Ведомость о посеве и урожае» и губернаторский отчет

Видный советский экономический историк В. К. Яцунский неоднократно высказывал сомнения в существовании какой-либо документальной основы под губернаторской статистикой урожаев (Яцун-

ский, 1955: 352; Яцунский, 1973: 280), хотя свою итоговую позицию формулировал с оговорками: «Специальных органов для сбора этих сведений не было. Не производилось, конечно, и опроса крестьян о размерах посевов и сбора хлебов. Возможно, что в некоторых случаях помещики доставляли сведения о своих имениях. <...> Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что... в статистике сельского хозяйства такого рода первичной документации часто не было. Сведения губернаторских отчетов о посевах и сборов хлебов — это всецело результат канцелярского творчества губернских и отчасти уездных чиновников» (Яцунский, 1964: 31). Если первичной документации «часто» не было, значит, иногда она была, то есть исследователь при кажущейся однозначности своего вывода предусматривал вероятность, что первичные сведения все же существовали.

Возможно, он принимал во внимание законодательство первой половины XIX века, которое прямо предписывало губернаторам опираться на выборочные данные пробных умолов. Так, в законе 1822 года о создании комиссий продовольствия говорилось: «Гражданским губернаторам доставляются сведения... По окончании жатвы в октябре месяце: каков урожай хлеба, принимая в сем случае в соображение среднее количество из умолов в нескольких селениях каждого уезда...»¹.

В 1960–1970-е годы А. С. Нифонтов и Б. Г. Литвак вели поиски первичных урожайных данных в некоторых региональных архивах. Они искали их в фондах комиссий народного продовольствия (КНП), губернских статистических комитетов и канцелярии губернатора (в делах, связанных с составлением годовых губернаторских отчетов) 1840–1850-х годов. Нифонтов находил лишь итоговые протоколы ряда губернских КНП с глухими упоминаниями о том, что сведения представлены комиссии по «пробным умолотам». Первичных данных там не было: «Первичные сообщения о пробных умолотах на местах в отдельных имениях и хозяйствах в делопроизводстве губернских комиссий продовольствия отсутствуют» (Нифонтов, 1974: 39). Тем не менее историк полагал, что они существовали в количестве 20–30 на губернию. Оппонировавший ему Литвак возражал, что «упоминание о пробных умолотах — дань форме, соблюдение требований законодательного акта» (Литвак, 1979: 171). В обследованном им фонде Саратовской КНП Литвак также не нашел первичных материалов и вообще «никаких материалов, которые отражали бы интерес к первичным данным о сборе и посевах хлебов, об урожайности» (Там же: 178). Более того, он установил, что при составлении годовых отчетов Саратовского губернатора в 1840-е годы губернатор поручал подготовку разных статистических приложений определенным ведомствам и чиновникам, но сбор сведений об урожае среди этих поручений даже не фи-

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38. № 29025 (п. 21 в).

гурировал (Там же: 176–178). Кем и как составлялась «Ведомость о посеве и урожае», осталось для историка загадкой. Ни в стандартном формуляре ведомости, ни в тексте губернаторского отчета ее источник не раскрывался. Эту ведомость Литвак причислил к разряду наименее достоверных данных губернаторского отчета, однако от категоричных выводов воздержался.

Неудачи советских исследователей в поиске первичных урожайных сведений были во многом обусловлены ошибочной установкой, что эти сведения собирались для губернаторского годового отчета. Хотя сопоставление некоторых известных им фактов уже должно было пробуждать сомнения и вопросы. Во-первых, годовые отчеты губернаторов как вид документа появились с 1804 года, тогда как В. Г. Михайловский имел сведения с 1801 года, и К. В. Сивков указал источник этих сведений — «Генеральные ведомости» об урожае по всем губерниям за 1801, 1802 и 1803 годы (Сивков, 1959: 27), а найденные Н. Л. Рубинштейном самые ранние донесения генерал-губернаторов об урожаях датированы еще 1782 годом (Рубинштейн, 1957: 444–451). Следовательно, система собирания сведений об урожаях возникла до появления губернаторских отчетов и вне связи с ними.

Во-вторых, губернаторский отчет составлялся в начале следующего за отчетным года, если не позже, сведения для него доставлялись губернатору уже в новом году, что и проследил Литвак на саратовских материалах, но данные об урожае, согласно закону о КНП, губернатор должен был получать «по окончании жатвы в октябре месяце». Очевидно, загадка Литвака и обманчивое представление, что «вся статистика урожаев возникает сразу же на уровне губернаторского отчета», имеют простое объяснение: губернатор никому не поручал собирать урожайные данные к отчету, потому что к этому моменту они уже были собраны.

Между тем в историографии есть, по крайней мере одно, относящееся к первой половине XIX века, указание, что крестьяне имели обязанность подавать уездным чиновникам сведения об урожаях и исполняли ее. Стивен Хок, изучавший мирские финансовые записи тамбовского имения Шереметевых, обнаружил, что «каждый год община должна была сообщать местным властям в Борисоглебске о величине урожая и положении с запасами», причем в письменной форме и за оформление соответствующей бумаги платила чиновникам деньги (Хок, 1993: 131–132).

Нижний земский суд и уездные данные об урожаях

Поиск сохранившихся первичных урожайных сведений в архивах может быть успешным при выяснении вопроса, какие учреждения занимались их сбором на местах. Ими не могли быть КНП, поскольку, согласно закону, для составления итогового годичного протокола они должны были получать сведения об урожае от губернатора

(а не наоборот)², то есть сбор первичных сведений никогда не входил в их полномочия. Тем более ими не могли быть губернские статистические комитеты, которые учреждались лишь с 1834 года.

Попытка Нифонтова на основе анализа законоположений и циркуляров 1820–1850-х годов реконструировать работу госаппарата по сбору урожайных сведений не дала системного представления о предмете (Нифонтов, 1974: 41–43). Согласно законам, сведения по землям разных категорий — частновладельческим, казенным, ведомственным и удельным — должны были сообщать губернатору разные должностные лица и учреждения, но каким образом эти данные собирались, не разъяснялось.

Известно, что главой административной власти в уезде был уездный исправник (капитан-исправник, земский исправник), а его аппаратом, согласно «Учреждениям для управления губерний» 1775 года, являлся нижний земский суд. Это учреждение совмещало в себе функции администрации с охраной порядка и суда по некоторым категориям дел, а также собирало различную управленческую и статистическую информацию. В 1837 году оно было переименовано в земский суд, а с 1862 года преобразовано в уездное полицейское управление. Исправник напрямую подчинялся губернатору; губернское правление рассылало нижним земским судам указы, обязательные к исполнению, в обратном направлении — из уезда в «губернию» — шли рапорты, донесения и ведомости.

В законе 1775 года среди функций нижнего земского суда сбор урожайных данных не упоминался, однако если обратиться к самым ранним дошедшим до нас ведомостям об урожае 1782 года, выясняется ключевая роль именно этого учреждения. Рапорты генерал-губернаторов, сопровождавшие ведомости, свидетельствуют, что они явились ответом на указ Екатерины II от 26 августа, которым предписывалось собрать «от всех нижних земских судов вверенных... губерний» сведения «о плодоносии» и прислать их императрице. Среди этих донесений выделяется присланное от генерал-губернатора Казанского и Пензенского, которое не вошло в публикацию Рубинштейна, потому что не соответствовало установленной форме. Вместо сводной таблицы с указанием объема посевов и урожая по культурам этот генерал-губернатор прислал целый комплект уездных ведомостей по обоим своим наместничествам, в которых была указана урожайность в «самах» за текущий и три предыдущих года (1779, 1780, 1781)³. При этом каждая ведомость заверена подписями исправника и членов земского суда с печатями. Таким образом, «источники, содержащие поуездную информацию» об урожайности, существуют с конца XVIII века.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38. № 29025 (п. 26).

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 383. Л. 54–92.

Свидетельства того, что сбор урожайных данных продолжался через земские суды и в XIX веке, можно порой встретить в ранних губернаторских отчетах. Так, в отчетах Казанского губернатора за 1804–1808 годы использовался нестандартный заголовок ведомости: «Генеральная ведомость, сочиненная из доставленных к Казанскому гражданскому губернатору от земских судов об урожае хлеба после жатвы в ... году бывшей»⁴. Этот губернатор подражал заглавию всероссийской «Генеральной ведомости, сочиненной в экспедиции государственного хозяйства из доставленных в оную сведений от гражданских губернаторов об урожае хлеба после жатвы, в ... году бывшей»⁵, но затем его, наверное, поправило начальство.

Более детально этот вопрос прослеживается на материалах региональных архивов. По Московской губернии самые ранние дела с урожайными сведениями относятся к 1816 и 1818 годам⁶. Оба дела содержат рапорты на имя губернатора от всех тринадцати нижних земских судов губернии, за подписями земских исправников или замещавших их лиц, с урожайными ведомостями — таблицами урожая в уезде. Кроме них в делах имеется переписка губернской канцелярии с земскими судами с требованиями что-то уточнить и исправить или ускорить присылку ведомостей. Все урожайные ведомости датированы сентябрем-октябрем соответствующего года. Формуляры уездных ведомостей несколько варьируют в разных уездах, но во всех случаях в них присутствуют данные о населении и разбивка урожая по культурам.

Среди рапортов, предварявших таблицы, выделяется рапорт Московского уездного исправника, прямо ссылавшегося на пробные обмолоты: «Представляется при сем к Вашему Сиятельству ведомость об урожае хлеба по Московской округе, учиненная после жатвы сего 1816 года с собранных сведений по первому опыту обмолота оного...»⁷.

Интересен случай Серпуховского уезда. В сентябре 1818 года губернатор получил из этого земского суда вместо таблицы длинное донесение с описанием общих характеристик урожая и указанием, что ведомость должна быть готова к ноябрю. В ответ губернатор сделал суду выговор: «Серпуховскому земскому суду. На три представления мои о немедленном доставлении ведомости о посеве и урожае хлеба оный суд доставляет вместо оных неосновательные токмо рапорты, отзываясь, что еще от поселян не доставлены таковые сведения и что оные представляются обыкновенно в ноябре месяце, как бы вышнему

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 49. Л. 13–14 и др.

5. Табели к отчету министра внутренних дел за 1804 год. СПб., 1806 (пагинация отсутствует).

6. Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г.) Ф. 17. Оп. 1. Д. 1533; 3868.

7. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1533. Л. 1.

начальству не известно время представления их. Поелику жатва давно уже кончилась, то земский суд пообязыван озаботиться собранием таковых сведений немедленно... ибо все прочие земские суды... давно уже ведомости сии ко мне представили, и составление общей по губернии ведомости остановилось единственно за неприсылкою токмо из сего суда, почему сделав суду строжайший за все вышеписанное выговор, в последний раз подтверждаю, чтобы ведомость о посеве и урожае хлеба доставлена была немедленно и чтобы оный впредь занимался точным и неременным исполнением предписаний начальства, а не пустыми против оных представлениями»⁸. Здесь следует обратить внимание, как земский суд мотивировал задержку сведений: ему еще не успели доставить сведения «от поселян». То есть уездная администрация ждала сведений с мест. Соответственно, тормозилась и работа губернаторской канцелярии: без сведений по одному из уездов невозможно составить губернскую ведомость.

В обоих делах имеются черновики итоговых урожайных ведомостей по Московской губернии за указанные годы с разбивкой по уездам, и все цифры в них точно соответствуют цифрам уездных ведомостей, а в итогах стоят их суммы (никакого «творчества губернских чиновников»!).

Этот вывод подтверждается на материалах Ряжского уезда Рязанской губернии. В местном архиве хранятся черновики уездных ведомостей о посеве и урожае за 1807–1810 и 1815 годы, составленные в Ряжском земском суде⁹, а в РГИА — отчеты Рязанского губернатора за те же годы, в составе которых имеются соответствующие губернские ведомости с разбивкой по уездам и культурам¹⁰. Цифры оказались идентичными; губернаторская канцелярия лишь воспроизводила данные, ежегодно получаемые из земского суда.

В ряжских материалах сохранились также указы Рязанского губернского правления 1808–1810 годов, которыми от земских судов запрашивались урожайные сведения. Каждый год они ссылались на «предписание господина министра внутренних дел» и указы губернского правления, рассылавшиеся во все земские суды еще в 1804 и 1805 годах, которыми было «велено доставлять в первых числах октября месяца каждого года неупустительно положительные и подробные ведомости о количестве урожая разного рода

8. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3868. Л. 310б.

9. Ведомость, учиненная в Ряжском земском суде об урожае хлеба после жатвы 1807 года: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 755. Оп. 1. Д. 63. Л. 29; То же за 1808 год: Там же. Л. 470б–48; То же за 1809 год: Там же. Л. 1050б–106; То же за 1810 год: Там же. Л. 153; То же за 1815 год: ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 106.

10. Отчет Рязанского губернатора за 1807 год, урожай Ряжского уезда: РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 115. Л. 130; То же за 1808 год: Там же. Л. 1790б; То же за 1809 год: Там же. Л. 2310б.; То же за 1810 год: Там же. Л. 2850б; То же за 1815 год: Там же. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 116. Л. 178.

хлеба по формам в 1800 году разосланным...»¹¹. Каждый год указы-напоминания посылались 15 октября, и из их текстов следует, что почти все земские суды губернии, исключая одного-двух, срывали срок присылки ведомостей. За это губернское правление штрафовало секретарей земских судов, посылая к ним курьеров из губернии за их счет с предписанием немедленно доставить урожайные ведомости: «...Приказываем: во все земские суды... послать нарочных на счет секретарей тех судов, поелику сочинение ведомостей зависит от них, с указами, предписав в них, что в оные суды повеленные ведомости... с получения сих указов непременно на тот же, а по крайней мере, на другой день сочиня, и с теми нарочными доставили в сие правление... причем возвратить непременно и прогонные деньги»¹². Следовательно, составление урожайных ведомостей по уезду было обязанностью секретарей земских судов, которые несли за него личную ответственность.

Итак, во всех рассмотренных случаях канцелярии губернаторов ждали из уездов сведения об урожае в октябре, причем этот срок считался уже давно установленным. В одном из рязанских указов объяснялось: «...А в следующем месяце должно отправить таковую ведомость к господину министру»¹³. Следовательно, срок отправки урожайной ведомости из губернии в столицу — ноябрь. В сопроводительных записках к московским губернским урожайным ведомостям мы находим фактические даты их отправки и адресатов. В 1816 году ведомость из канцелярии Московского губернатора ушла 16 ноября в два адреса: в Министерство полиции и Петербургскому генерал-губернатору¹⁴. За двумя адресами стоял один адресат — А. Д. Балашов, который в это время совмещал должности министра полиции и столичного генерал-губернатора. В 1818 году ведомость об урожае была отправлена 4 ноября также в двух копиях, но теперь в Министерство полиции и в МВД¹⁵. В любом случае к годовому губернаторскому отчету эти документы не имели отношения. Отчеты Московского губернатора за 1816 и 1818 годы не сохранились; отчеты Рязанского губернатора 1807–1810 годов датированы разными числами февраля следующего за отчетным года¹⁶, а отчет за 1815 год был составлен и вовсе 30 ноября 1816 года¹⁷. Очевидно, что ведомости о посеве и урожае отправлялись в столицу в ноябре каждого данного года в виде срочных донесений, а ведомости, прилагавшиеся к годовым отчетам, лишь дублировали эту информацию. Когда

11. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 63. Л. 38, 108.

12. Там же. Л. 38.

13. Там же. Л. 108.

14. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1533. Л. 50.

15. Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3868. Л. 37.

16. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 115. Л. 119, 168, 221, 274.

17. Там же. Д. 116. Л. 168.

губернаторский отчет приходил в Петербург (и даже если он за какой-то год не приходил), сведения об урожае там уже были известны.

Таким образом, если первичные сведения об урожаях существовали в виде письменных документов, их поиск следует вести в фондах нижних земских судов региональных архивов.

Первичные сведения: описание источника

С целью выявления первичной урожайной документации губернской статистики были просмотрены фонды рязанского областного и московского городского архивов. В совокупности там хранятся 25 фондов 24 земских судов: всех 14 уездов, существовавших в Московской губернии, 7 из 12 уездов Рязанской (Егорьевский, Зарайский (два фонда в обоих архивах), Михайловский, Ряжский, Рязанский, Сапожковский, Скопинский), а также двух уездов Тамбовской (Елатомский, Шацкий) и одного уезда Тульской губернии (Каширский). Степень сохранности документов низкая, во многих случаях за все время существования земских судов (1775–1862) отложилось лишь по несколько дел или несколько десятков дел. Сохранившиеся материалы представляют собой нерепрезентативную выборку, поскольку охватывают неравные, подчас малые хронологические периоды и в них, как правило, преобладают документы лишь какого-то определенного рода. Вообще, через канцелярию каждого земского суда проходили дела трех категорий: по уголовной, гражданской и общей части. В архиве же в некоторых фондах хранятся в основном уголовные дела, но в некоторых не сохранилось ни одного уголовного дела; весь фонд Подольского земского суда состоит из книг записей купчих, тогда как в большинстве других фондов дел такого рода не содержится вовсе; фонд Егорьевского земского суда (в ЦГА Москвы) имеет в своем составе подборку дел с указами Рязанского губернского правления, рассылавшимися по всем земским судам, за каждый год с 1802-го до конца 1850-х, тогда как в других фондах таких дел совершенно не имеется, и т.п. В таких условиях мало шансов найти первичные материалы урожайных сведений, однако они обнаружались: из Ряжского уезда Рязанской губернии за 1807–1809, 1815, 1816 годы и из Звенигородского уезда Московской губернии за 1844 год.

В фонде Ряжского земского суда в одном из дел находятся подшивки «сведений» и «рапортов» от старост и управляющих помещичьих имений и однодворческих сел уезда о посевах и сборах хлебов за 1807 год (29 документов), 1808 год (7 документов) и 1809 год (55 документов), а также упомянутые черновики итоговых уездных таблиц о посевах и сборах за 1807–1810 годы, составленных в суде для отправки губернатору¹⁸. В другом деле сохранились 48 анало-

18. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 63.

гичных первичных сведений за 1816 год¹⁹, а в фонде канцелярии Рязанского губернатора нашлось дело, содержащее еще 63 таких же листка за 1815 год и черновик уездной ведомости, вероятно, попавших в этот фонд по ошибке советских архивистов²⁰. Итого 202 первичных «сведения» из одного уезда за 5 лет начала XIX века. Невозможно определить, сохранились ли все полученные в эти годы земским судом сведения, или перед нами только какая-то их часть. Вероятно, документы сохранились фрагментарно, и первичных сведений собиралось гораздо больше.

Большинство этих документов имеют формат листа школьной тетради, с неровными краями, грубой, волокнистой бумаги серо-желтоватого или голубоватого оттенка. Почерки разные, некоторые повторяются, часто это беглые, канцелярские почерки. Меры измерений нередко записывались сокращенно мелкими буквами с подчеркиванием в верхнем регистре строки, как это было принято в казенном делопроизводстве того времени: ^{зе} обозначает четверти и/или четверики (по контексту), ^{ко} — копны, ^{дес} — десятины. Иногда использовались другие единицы: сажени, меры, нивы. Весовые единицы (пуды) не встречаются. Нигде не встречается и оценка урожайности в «самах», только объемы посева и сбора.

Типичный формуляр можно представить на следующем примере: «1807 года октября дня Рязскому земскому суду Рязской округи села Покровского покойного подполковника Федора Ипатьевича (?) Леонтьева староста Степан Лазарев дал сие сведение в том, что в прошлом 1806 году посеино было ржи 500^{зе}, в нынешнем 1807 году овса 500^{зе}, гречи 400, гороху 100^{зе}, семя коноплянова 50^{зе}. Родилось ржи 900^{ко} умолоту по 1^{зе} по 1^{зе}, овса 700^{ко} умолоту по 7^{зе}, гречи 600^{ко} умолоту по 6^{зе}, семя коноплянова вымолочено 200 четвертей, гороху вымолочено 300 четвертей. На посев следует то, что было посеено, а остальное количество на продовольствие. В нашем селении мужеска 620, женска 612 душ. Выход был озимого хлеба хорош. К сему сведению графа Дмитрия Александровича Зубова поверенный Артемий Проходцов вместо вышеписанного старосты Лазарева за неумением ево грамоте писать по прошению ево руку приложил»²¹.

Нередко, как в этом примере, листок подписан кем-то за неграмотного информатора, но при этом почерк основного текста явно отличается от почерка подписи. Следовательно, писали чиновники суда со слов неграмотного старосты или управляющего (для селений однодворцев — сотского или «выборных»), а затем заверял кто-то грамотный из присутствующих при опросе. Если статус заверяющего был указан, зачастую это оказывались дворовые или «служители» тех же помещиков, иногда других помещиков, либо служащие земского суда (копиисты и регистраторы).

19. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 78.

20. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154.

21. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.

Формуляр урожайных листков 1815–1816 годов имеет некоторые отличия от 1807–1809 годов: 1) во многих из них указывается площадь посевов всех культур в десятинах; 2) в них, как правило, уже не указывается количество душ и не дается словесной характеристики всходов озимых; 3) в них встречаются указания, относятся ли сведения только к господскому хозяйству или к господскому и крестьянскому. Пример такого листка см. приложение рис. 1.

Не все листки соответствуют единому формуляру. Встречаются документы, написанные и подписанные одним лицом, цифры иногда сведены в таблички, на них обычно стоит точная дата, в отличие от большинства листков, где отмечен только месяц (как правило, октябрь). Очевидно, это — документы, заранее подготовленные и переданные в суд управляющими имений. Пример лаконичного нестандартного формуляра см. приложение рис. 2. В двух случаях информаторами значатся сами помещики, которые и расписались.

Имеет смысл сделать количественные подсчеты средней урожайности по первичным листкам 1809 и 1815 годов, поскольку они наиболее многочисленны и в нашем распоряжении есть уездные ведомости за те же годы, с которыми можно сравнить полученные показатели.

Из 118 листков за оба сравниваемых года лишь в 97 удалось уверенно прочитать и название селения, и имя владельца. В 13 случаях они совпали, то есть каждый год часть листков относилась к одним и тем же поместьям/селениям.

Так как уездные ведомости не содержали посевных площадей, а давали объемы посевов и сборов, сопоставимым является только один показатель — урожайность в «самах». Яровые культуры из листков пришлось сгруппировать, так как в ведомости посев яровых указывался в сумме (лишь сборы учитывались по отдельным культурам). Не все листки оказались пригодными для вычислений, в них либо не был указан объем посева, либо урожай дан в четвериках из копны без числа копен, или в копнах с десятины, но не указано число десятин. Листки, в которых отсутствует тот или иной необходимый параметр, были отброшены, поэтому из 118 в подсчете было использовано только 66 (37 за 1809 год и 29 за 1815 год). Степень правдоподобия информации не оценивалась. Четверть считалась стандартной — 8 четвериков (мер). Рассмотрим основные результаты вычислений.

Совокупность листков 1809 года, поддающихся обсчету, охватывает 8,9% объема всех посевов уезда (10 344,3 четверти из 116 259 четвертей, показанных в ведомости земского суда), но лишь 4,7% объема сбора (26 202,1 четверти из 560 487 четвертей по уезду). Сходная картина в 1815 году: листки охватывают 7,0% посевов, но лишь 5,5% сборов. Эта диспропорция означает, что урожайность в первичных листках в среднем ниже, чем в уездной ведомости. Сопоставление урожайности, вычисленной по обоим источникам, приводится в таблице 1.

Таблица 1. Урожайность хлебов в Ряжском уезде в 1809 и 1815 годах по ведомости нижнего земского суда и по первичным данным (без льна и конопли), в «самах»

	1809			1815		
	озимые	яровые	итого	озимые	яровые	итого
Ведомость земского суда	5,3	4,5	4,8	5,0	3,0	3,8
Первичные данные	2,9	2,3	2,5	2,8	3,1	3,0

Итак, информация об урожайности в сохранившихся первичных материалах расходится с той, которая содержится в итоговом документе: урожайность по первичным данным ниже, за исключением показателя яровых в 1815 году.

Тот факт, что урожайность 1815 года по уездной ведомости оказалась выражена целыми числами (озимые «сам»-5 и яровые «сам»-3), склоняет к мысли, что эти коэффициенты были изначально заложены чиновником при расчете валового сбора. Причем урожайность яровых в этом году почти совпадает со средним значением первичных листков, а урожайность озимых чиновником резко повышена.

Соотношение озимых и яровых культур в общем объеме посевов в обоих источниках примерно совпадает. Так, пропорция озимые/яровые в посеве 1809 года составляла: по ведомости — 41/59, по листкам — 43/57; в 1815 году: по ведомости — 41/59, по листкам — 39/61. Соотношение, близкое к 40/60, выглядит адекватным, поскольку среди яровых преобладал овес, густота высева которого традиционно выше, чем у озимой ржи. Однако по отдельным культурам между источниками выявляются примечательные расхождения. Так, в 1809 году в первичных листках зафиксировано наличие озимой пшеницы, составляющей 2,2% от суммы всех озимых посевов, но в итоговой ведомости эта культура вообще не значится; «озимые» в ведомости — это только озимая рожь. В итоговой ведомости того же года сбор гороха по уезду указан в размере всего 750 четвертей, тогда как только по учтенным листкам гороха собрали 768,4 четверти, то есть сбор этой культуры по уезду сильно преуменьшен. Недоучет второстепенных культур, таким образом, очевиден.

Можно утверждать, что имеющиеся в нашем распоряжении первичные данные не могли служить непосредственной основой для урожайных ведомостей, составлявшихся чиновниками нижнего земского суда. Они охватывают лишь малый процент посевов и сборов в уезде, причем относятся только к помещичьим имениям и однодворческим селам, не касаясь казенных земель, тогда как ведомость показывает объемы посевов и сборов по всему уезду, и урожайность, заложенная в цифрах уездной ведомости, существенно

отличается от урожайности, которая рассчитывается по первичным данным.

Можно предположить, что листки собирались лишь для проформы, вне какой-либо связи с сочинением ведомости о посеве и урожае. Но в равной степени правомерно и другое предположение, что они все же могли служить ориентиром для приблизительного определения коэффициентов урожайности основных культур, если чиновник проводил отбор листков, отсеивая те, которые выглядели заведомо неправдоподобными. Так, при наших подсчетах, проведенных без какого-либо отбора, в ряде «сведений» оказалось, что сборы всех (именно всех) культур в селении были меньше посевов, что противоречит здравому смыслу и выдает стремление не слишком грамотных информаторов преуменьшить урожай. При ориентации чиновника только на те данные, которые он считал более правдоподобными, результат мог быть другим. В конце концов, предписание губернаторам вычислять урожайность по выборочным данным («нескольких селений каждого уезда»), узаконенное в 1822 году, вероятно, возникло не на пустом месте, а отражало сложившуюся на местах практику.

Другой блок обнаруженных первичных материалов относится к более позднему времени. Это донесения приставов 1-го и 2-го станом Звенигородского уезда исправнику, к которым прилагались подлинники собранных ими сведений по частновладельческим имениям за 1844 год²². Отметим, что становые приставы, появившиеся в уездах после реформы 1837 года, считались членами земского суда.

В архивном деле сохранились документы двух видов: сведения о посеве яровых, датированные маем, и сведения об урожае и посеве озимых, составленные по той же форме в октябре. Каждый документ представляет собой тетрадку из листов большого формата с многостраничной продолжающейся таблицей, разлинованной чернилами. В строках таблицы на каждое имение отведено три графы: 1) название селения и имя владельца, 2) господская запашка, 3) крестьянская запашка. В столбцах — число душ и культуры. В таблицах со сведениями о посеве на каждую культуру предусмотрен отдельный столбец, в таблицах урожая — только 4 столбца: озимые, яровые, картофель на полях, картофель в огородах. Объемы посевов и урожаев указаны в четвертях. Все записи и цифры в графах проставлены, по-видимому, одной рукой, но каждая запись заверена подписями разных лиц, идущими поперек столбцов во всю ширину страницы: «К сей ведомости староста... руку приложил» или «К сей ведомости вместо старосты... по неграмотности его... руку приложил»; некоторые подписи заверены печатью бурмистров. Формуляр (разворот) такой первичной ведомости см. приложение рис. 3. В конце тетради подшиты

И. А. Кузнецов
Урожайная
статистика
в России первой
половины
XIX века: про-
блема первичных
данных

22. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 743. Оп. 2. Д. 62.

еще несколько отдельных малых листков, с таким же формуляром, по одному имени на каждом. Количественные подсчеты по этим документам нами не производились, поскольку не существует итоговой уездной ведомости и здесь не с чем сравнивать значения первичных записей.

Заключение

Обращение к фондам нижних земских судов в региональных архивах позволило обнаружить хранящиеся там документы с первичными и уездными данными для губернаторской урожайной статистики, само существование которых прежде в историографии ставилось под сомнение или даже прямо отрицалось. Вопрос об их наличии можно считать решенным. Причем речь идет не о 20–30 первичных сведениях в год на губернию, как предполагалось некоторыми историками ранее, а о десятках на уезд.

Можно считать установленным фактом, что собирание сведений об урожае производилось губернскими властями не в рамках составления губернаторских годовых отчетов, а представляло собой особый элемент системы контроля со стороны имперской администрации над состоянием урожаев и продовольственной обеспеченностью регионов. Очевидно, система возникла еще в XVIII веке и эволюционировала в течение XIX века. Помимо первичных данных об урожаях в региональных архивах обнаруживаются и другие документы, имеющие отношение к этой системе: сведения о посевах яровых культур, собиравшиеся отдельно от сведений об урожае и посевах озимых, двухнедельные рапорты земских судов о всходах озимых и состоянии посевов в течение весны и лета до начала уборки урожая и др. В силу плохой сохранности документации земских судов в целом, документов такого рода пока выявлено мало и их недостаточно для реконструкции всего механизма собирания сведений и составления статистических данных в масштабе уезда и губернии, тем более что сам этот механизм со временем, по-видимому, претерпевал изменения.

В связи с этим представляется целесообразным отказаться от распространенного в историографии термина «статистика губернаторских отчетов». Более корректным представляется термин «губернаторская урожайная статистика». Думается, он удачно охватывает и те известные историкам сведения конца XVIII — первых лет XIX века, которые возникли до появления губернаторских отчетов, и все те сведения, которые сохранились в составе собственно губернаторских отчетов начиная с 1804 года, и те сведения, которые публиковались губернскими властями в официальных «Обзорах» губерний после 1870 года. При этом позднюю губернаторскую статистику, сохранившуюся во многих губерниях после 1883 года, следует четко отличать от урожайных статистик ЦСК и Департа-

мента земледелия: это были три разные статистики, сосуществовавшие параллельно.

Обнаруженные нами в архивах первичные сведения губернской статистики первой половины XIX века не позволяют сделать однозначные выводы о том, собирались ли они повсеместно и регулярно, или эпизодически и хаотично. Также пока неясно, каким образом собранные сведения использовались при составлении итоговых ведомостей. Поэтому все вопросы о степени достоверности, репрезентативности и полноты статистических данных, создаваемых в системе губернской урожайной статистики, которые ставились предыдущей историографией, остаются открытыми и должны быть предметом дальнейшего изучения. Поиск и систематизация сведений об урожаях, отложившихся в региональных архивах, также должны продолжаться.

И. А. Кузнецов
Урожайная
статистика
в России первой
половины
XIX века: про-
блема первичных
данных

Библиография

- Загайтов И. Б., Воробьева Л. С. (1998). Прогноз колебаний природных условий сельскохозяйственного производства и всемирная статистика урожаяев. Воронеж: ВГАУ.
- Источниковедение (1998): Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ.
- Источниковедение (2015): учебное пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ковальченко И. Д. (1959). Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX века // История СССР. № 1. С. 53–86.
- Литвак Б. Г. (1979). Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука.
- Лященко П. И. (1952). История народного хозяйства СССР. Т. 1. 3-е изд. М.: Госполитиздат.
- Манелля А. И. (2013). Динамика урожайности зерновых культур в России за 1801–2011 годы // Вопросы статистики. № 4. С. 75–80.
- Михайловский В. Г. (1921). Урожай в России 1801–1914 гг. // Бюллетень ЦСУ. № 50. С. 2–4.
- Нифонтов А. С. (1974). Зерновое производство России во второй половине XIX в.: По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. М.: Наука.
- Нефедов С. А. (2012). К дискуссии об уровне жизни крепостных крестьян в середине XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (104). С. 284–291.
- Растяников В. Г., Дерюгина И. В. (2009). Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М.: Институт востоковедения РАН.
- Рубинштейн Н. Л. (1957). Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат.
- Рянский Л. М. (2015). К вопросу о благосостоянии частновладельческих крестьян в середине XIX века (ответ С. А. Нефедову) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. № 4 (17). С. 145–154.
- Сивков К. В. (1959). Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин. С. 21–32.
- Хок С. Л. (1993). Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М.: Прогресс-Академия.
- Яцунский В. К. (1955). К вопросу о сборании и публикации материалов по истории урожаяев и цен в России // Проблемы источниковедения. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР. С. 350–357.

- Яцунский В. К. (1961). Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина. М.: Изд-во АН СССР. С. 113–148.
- Яцунский В. К. (1964). О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.–Л.: Наука. С. 26–36.
- Яцунский В. К. (1973). Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.: Избранные труды. М.: Наука.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018). The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. Vol. 108 (4–5). P. 1074–1117.

Russia's harvest statistics in the first half of the 19th century: The problem of primary data

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: repytwd68@mail.ru

Abstract. The author reports the discovery in the regional archives of the primary documents and *uyezd* data compiled for the governors' harvest statistics in the first half of the 19th century, although historiography used to question or deny their existence. According to the archival data, the primary information about harvest in estates and villages was collected annually in autumn. This information was provided by the elders of peasant communities and the managers of landlords' estates. Since the end of the 18th century, information was collected by the officials of the Lower *Zemstvo* Court: they either wrote it down from what their informants told or collected the already prepared notes. The final report on the *uyezd* harvest was compiled by the secretary of the Lower *Zemstvo* Court and sent to the Governor's Office. The Governor's Office compiled a similar record for the province, in which the *uyezd* data was duplicated and summarized. Provincial reports on sowing and harvest were sent to the government (Ministry of Internal Affairs and/or Ministry of Police) as urgent messages in November. The collection of harvest data was not related to the governors' annual reports which duplicated the previously sent information. The discovered documents do not solve the problem of reliability and representativeness of the governors' crop statistics but correct the historiographic ideas about the functions of the imperial administration in the field of control over harvests and food security in the Russian regions.

Keywords: agrarian history of Russia, crop statistics, governors' reports, Lower *Zemstvo* Court (*nizhny zemsky sud*), Victor Yatsunsky, Boris Litvak

References

- Hoch S. L. (1993) *Krepostnoe pravo i sotsialny kontrol v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoj gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia], Moscow: Progress-Akademiya.
- Istochnikovedenie* (1998): *Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History] (I. N. Danilevsky, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva), Moscow: Russian State University for Humanities.
- Istochnikovedenie* (2015) [Source Studies] (Otv. red. M. F. Rumyantseva), Moscow: Higher School of Economics.

- Kovalchenko I. D. (1959) Dinamika urovnya zemledelcheskogo proizvodstva v Rossii v pervoj polovine XIX veka [Dynamics of the level of agricultural production in Russia in the first half of the 19th century]. *Istoriya SSSR*, no 1, pp. 53–86.
- Litvak B. G. (1979). *Ocherki istochnikovedeniya massovoj dokumentatsii* [Essays on the Source Studies of Mass Documentation], Moscow: Nauka.
- Lyashchenko P. I. (1952) *Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR* [History of the USSR National Economy], vol. 1, Moscow: Gospolitizdat.
- Manelya A. I. (2013) Dinamika urozhajnosti zernovykh kultur v Rossii za 1801–2011 gody [Dynamics of grain yields in Russia in 1801–2011]. *Voprosy statistiki*, no 4, pp. 75–80.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018) The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, vol. 108, no 4–5, pp. 1074–1117.
- Mihajlovsky V. G. (1921) Urozhai v Rossii 1801–1914 gg. [Harvests in Russia in 1801–1914]. *Byulleten CSU*, no 50, pp. 2–4.
- Nifontov A. S. (1974) *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: Po materialam ezhegodnoj statistiki urozhaev Evropejskoj Rossii* [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century: Based on the Annual Harvest Statistics of European Russia], Moscow: Nauka.
- Nefedov S. A. (2012) K diskussii ob urovne zhizni krepostnykh krest'yan v seredine XIX v. [On the discussion about the serfs' standard of living in the middle of the 19th century.]. *Izvestiya UFU. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, no 3, pp. 284–291.
- Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. (2009) *Urozhajnost khlebov v Rossii. 1795–2007* [Grain Yields in Russia. 1795–2007], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
- Rubinshtejn N. L. (1957) *Selskoe khozyajstvo Rossii vo vtoroj polovine XVIII v. (Istoriko-ekonomicheskij ocherk)* [Russian Agriculture in the Second Half of the 18th Century (A Historical-Economic Essay)], Moscow: Gospolitizdat.
- Ryansky L. M. (2015) K voprosu o blagosostoyanii chastnovladelcheskikh krest'yan v seredine XIX veka (otvet S. A. Nefedovu) [On the welfare of private peasants in the middle of the 19th century (answer to S. A. Nefedov)]. *Izvestiya YuZGU. Seriya: Istoriya i prav*, no 4, pp. 145–154.
- Sivkov K. V. (1959) Nekotorye itogi zernovogo proizvodstva v Evropejskoj Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [Some results of grain production in European Russia at the turn of the 18th–19th centuries]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy, 1958*, Tallinn, pp. 21–32.
- Yatsunsky V. K. (1955) K voprosu o sobiranii i publikatsii materialov po istorii urozhaev i tsen v Rossii [On the collection and publication of materials on the history of harvests and prices in Russia]. *Problemy istochnikovedeniya*, vol. 4, Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 350–357.
- Yatsunsky V. K. (1961) Izmeneniya v razmeshchenii zemledeliya v Evropejskoj Rossii s kontsa XVIII v. do Pervoj mirovoj vojny [Changes in the location of agriculture in European Russia from the end of the 18th century to the World War I]. *Voprosy istorii selskogo khozyajstva, krest'yanstva i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii*, Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 113–148.
- Yatsunsky V. K. (1964) O primenenii statisticheskogo metoda v istoricheskoy nauke [On the application of the statistical method in the historical science]. *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu*, Moscow–Leningrad: Nauka, pp. 26–36.
- Yatsunsky V. K. (1973) *Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv.: Izbrannye trudy* [Social-Economic History of Russia in the 18th–19th Centuries: Selected Works], Moscow: Nauka.
- Zagajtov I. B., Vorobieva L. S. (1998) *Prognoz kolebanij prirodnykh uslovij selskokozyajstvennogo proizvodstva i vseмирnaya statistika urozhaev* [Forecast of Fluctuations in Natural Conditions of Agricultural Production and Global Harvest Statistics], Voronezh.

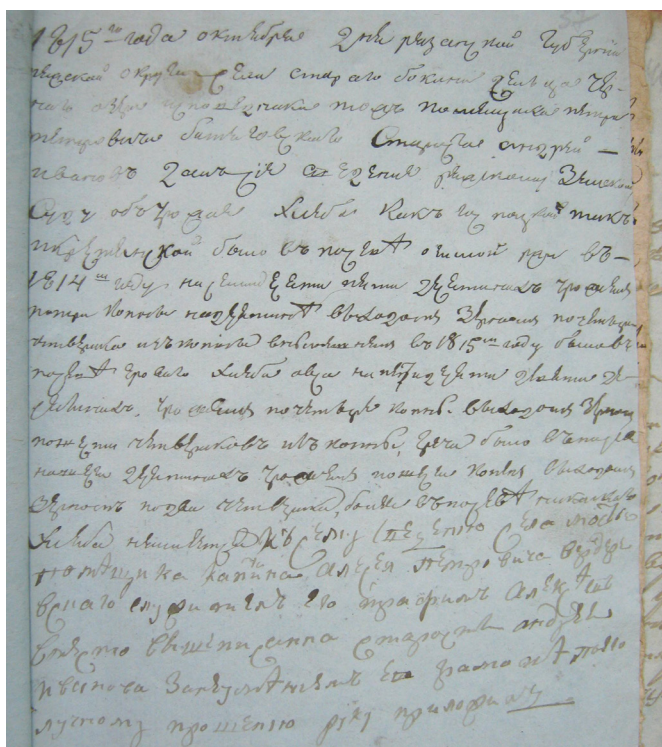

Рис. 1. Листок первичных урожайных сведений, Рязанский уезд, 1815 год (ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 37).

Текст:

«1815 года октября дня Рязанской губернии Рязанской округи села Старого Бокина сельца Черного озера, Исповедники тож, помещика Петра Петровича Битюговского староста Андрей Иванов дал сие сведение Рязанскому земскому суду об урожае хлеба. Как господской, так и крестьянской было в посевах озимой ржи в 1814-м году на семидесяти пяти десятинах урожаем по три копны на десятине выходом зерном по четыре четверика из копны. В нынешнем в 1815-м году было в посевах ярового хлеба овса на пятидесяти девяти десятинах, урожаем по четыре копны, выходом зерном по шести четвериков из копны, гречи было в посевах на шести десятинах урожаем по шести копен выходом зерном по два четверика, более в посевах никакого хлеба не имеется. К сему сведению села Мостья помещика капитана Алексея Петровича Вердеревского служитель его Трафим Алексеев вместо вышеписанна старосты Андрея Иванова за неумением ево грамоте по его лучшему прошению руку приложил».

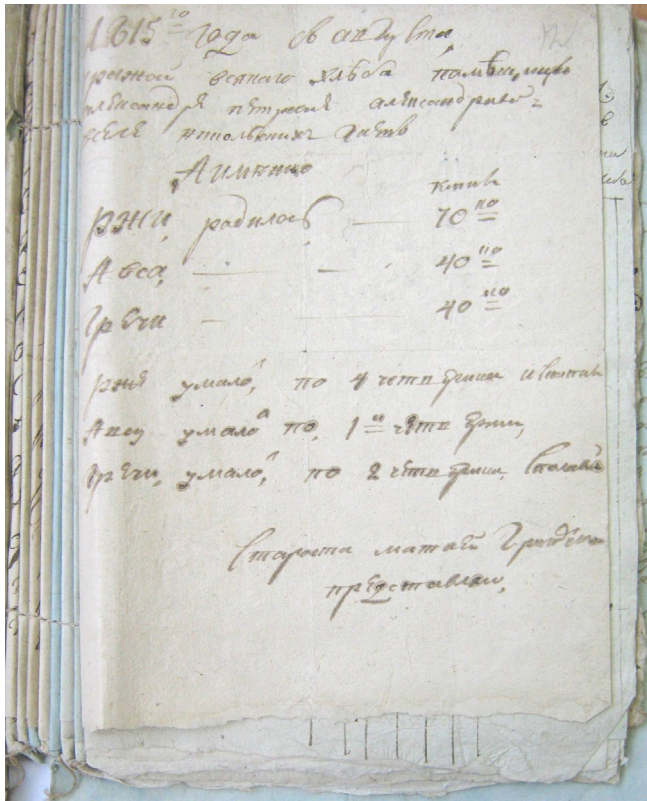

Рис. 2. Листок первичных урожайных сведений, Ряжский уезд, 1815 год (ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 12).

Текст:

«1815-го года с августа урожай всякого хлеба помещицы Александры Петровны Александровой в селе Никольских Гаях

А именно

Ржи родилось 70 ко[пен]

Авса — 40 ко[пен]

Гречи — 40 ко[пен]

Ржи умолот по 4 четверика ис капны, авсу умолот по 1-й четверти, гречи умолот по 2 четверика с половиной.

Староста Матвей Григорьев представил».

Сельское хозяйство	1844 год		1845 год	1846 год
	Пашни	Урожай		
Всего пашни	26	140	82	18
Тамарганово	68	136	34	34
Тамарганово	120	240	60	60
Тамарганово	135	270	90	45
Тамарганово	185	370	125	45

Всего пашни в уезде 1844 г. 26 140 82 18
 1845 г. 68 136 34 34
 1846 г. 120 240 60 60
 1847 г. 135 270 90 45
 1848 г. 185 370 125 45

Всего пашни в уезде 1844 г. 26 140 82 18
 1845 г. 68 136 34 34
 1846 г. 120 240 60 60
 1847 г. 135 270 90 45
 1848 г. 185 370 125 45

Рис. 3. Первичные урожайные сведения, Звенигородский уезд, 1844 год (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 743. Оп. 2. Д. 62. Л. 76).